

Из моего военного детства

Мне было шесть лет, когда началась война.

Целостного впечатления о военных годах в детской памяти не сохранилось. Эпизоды, звуки, картины оккупированного Харькова. Мы жили в начале улицы Рымарской.

Слово «война» вошло в моё детство с первой бомбардировкой города. Это был жуткий гул самолетов-бомбардировщиков. Мама заставила нас, детей, лечь на пол и вовремя закрыла нас своим телом. Совсем близко от дома упала бомба. Взрывной волной сорвало двери, посыпались стекла. Если бы не мама, нас, малышей, разбросало бы по квартире. Это была первая в центре города немецкая бомба, попавшая в трехэтажный дом напротив Дворца труда. Потом мы ходили смотреть на разрушенный дом, но люди еще не верили, что это война.

Бомбардировки стали ежедневными. Немецкие войска вошли в город.

Отец Мурашков Михаил Корнеевич ушел на фронт. Мама Мурашкова Елизавета Михайловна с детьми (9, 6, 4 лет, 1 года) остались в оккупированном городе. Память сохранила тяжкие испытания, которые выпали на мамины плечи. Ей мы благодарны, что выжили.

Детям было строго запрещено смотреть в наглухо зашторенные окна. Немцы стреляли по окнам, если видели в них людей. Но дети любопытны. Мы старались сделать хоть маленькую щелочку и посмотреть на улицу. По ней носились мотоциклы с вооруженными солдатами, шли большие зеленые машины, не смолкала стрельба. На долгие месяцы мы оказались на оккупированной территории.

Детство окончилось. В редкие часы садились за стол, рисовали, писали, читали, но спали на полу одетыми.

Самым страшным был голод. Он заставлял маму выходить на улицу в поисках еды. Это были остатки от немецких военных кухонь, куски конины, кости убитых лошадей.

Постепенно возвращался к жизни Благовещенский базар. Мама, как и все соседки, продавала всякие домашние вещи. Помню, как однажды она возвратилась с мешочком отрубей и кучкой картофельных очисток. Она их отмачивала, перекручивала и жарила оладушки. Вот было радости!

Однажды с соседками в разрушенной бомбой кондитерской фабрике («Кофок») они черпали из огромного еще горячего котла патоку. Мама принесла баночку и давала нам по чайной ложке этой необыкновенной сладости.

С наступлением зимы маме приходилось искать еще дрова, чтоб протопить печь в кухне. Из разговоров взрослых мы понимали, что в городе был установлен комендантский час, на улицах расстреливали людей. Очень хотелось выйти во двор, хотелось гулять.

Однажды мы нарушили мамин запрет. Когда она ушла, мы с ребятами решили сбежать в зоопарк, чтобы посмотреть, как там любимые зверушки. Помчались по Рымарской и, как вкопанные, остановились у Оперного театра. На здании висели мужчины с табличками на груди «Партизан». Рядом стояли плачущие женщины, старики перепуганные. Мы помчались домой.

Харьков три раза отвоевывали наши войска. И тогда наступали самые радостные дни. Мама разрешала гулять во дворе, не отходя от дома. Но мы носились по ближайшим улицам. Обнаруживали полевые кухни наших солдат. Большой дядя-солдат с огромной поварёшкой кричал нам: «Навались, мелюзга!» и наливал в банки, миски горячий кулеш или пшенную кашу. Мы их сразу съедали. А «добавку» относили домой – младшеньким. Это были самые лучшие дни в нашей жизни.

Но начинались жестокие бои и опять страх сковывал всех: смерть голодных на улицах, голод, стрельба, бомбардировки. Очень страшно было, когда мама на день-два уходила в село на «менку», а мы оставались одни. Плакали, звали маму, засыпали голодные. Мама возвращалась и приносила кулечек муки, «чекушку» постного масла, кусок желтого старого сала, десяток картофелин, холодную буханку сухого домашнего хлеба. Суп! Это был праздник.

Зимой 1942 года от воспаления легких умерла младшая сестренка Люсенька. Мы с мамой хоронили её. Мама на саночках везла посылочный ящик с Люсенькой, а мы с братом по очереди тащили тяжелую лопату по улице Пушкинской на городское кладбище.

Больно и горько вспоминать о той войне, забравшей у нас детство, оставившей неизгладимый след в душе и памяти. Спасибо нашим солдатам за Великую Победу! Они возвратили нам жизнь.

Никогда не забуду День Победы.

Май, весна. Ликующие люди на улице. Весь город устремился на площадь Дзержинского, хотелось быть всем вместе. Мы, дети, бежали со всех ног.

Площадь запружена народом. Все обнимаются. В воздух взлетают шапки, фуражки, костыли. Солдаты стреляют из винтовок, люди плачут, целуют военных.

Нина Михайловна Березюк, г. Харьков

В одной из газет «2000» я прочитала стихи простой женщины, моей ровесницы. Это о нашем военном детстве. Спасибо, дорогой друг. Жаль, что не могу обнять тебя. Отзовись!

*Я ребенок войны,
На восьмом-то десятке ребенок.
Нас учили не плакать
И не кланчить у мамы конфет.
Я ребенком войны себя ощущаю с пеленок.
Нас кормили солдаты, сажая на грязный лафет.
Мальши, мы и сводок читать не умели,
Только верили взрослым,
Что фрицы получают сполна.
Со стола лишней крошки просить мы не смели,
Потому что война –
Ох и долгая эта война!
А потом над страной, над великой Москвою-рекою
Расплескался салют, как пророчили детские сны.
Я стояла и всем махала рукою
Потому что, вы слышите?
– Нету войны.*